

Читая Куприна, и впрямь ощущаешь его необычное, прямо-таки «звериное» обоняние. Так, в автобиографическом романе «Юнкера» юный выпускник кадетского корпуса Александров слышит, как по-разному пахнут «сильные, полумужские тела» кадетов на физическом осмотре: «Они пахнули по-разному: то сургучом, то мышатиной, то пороховой гарью, то увядающим нарциссом». В рассказе «В цирке» борец Арбузов чувствует, как в цирковых коридорах пахнет «конюшней», газом, тырсой, которой посыпают арену, и обиховенный запах зрительных зал — смешанный запах новых лаковых перчаток и пудры». Куприн слышит запах тела девушки, «тот радостный, пьяный запах распускающихся тополевых почек и молодых побегов черной смородины, которыми они пахнут в ясные, но мокрые весенние вечера». Аромат белых акаций в его изображении таков, что «их сладкий приторный запах чувствуется на губах и во рту» (рассказ «Белая акация»).

Как видим, в биографии, в судьбе Куприна жизненные крутые «университеты», жгучие впечатления, упавшие в душу, молодую, впечатлительную и ранимую, соединились с незаурядным природным дарованием, удивительной наблюдательностью, то, о чем Бунин сказал: очень зоркие глаза дал ему бог. Но ведь каждый подлинно незаурядный художник проходит через жизненные испытания, откладываящиеся «золотым запасом» в его памяти, каждый наделен и зоркостью, и впечатлительностью, и способностью слушать жизнь». Видимо, у каждого крупного писателя должна быть и своя психологическая загадка, если угодно, тайна, в которой нерв его, его скрытая боль и, в конечном счете, его индивидуальность. Это как бы второй, неявный слой краски, простирающийся на картине при ее медленном рассмотрении и много говорящий об авторе и особенностях его творчества.

В обширном литературном наследии Куприна то оригинальное, что принес с собой писатель, по мнению современников, лежит на поверхности. «Его всегда спасает инстинкт природного здорового дарования... Неисправимый органический оптимист», «Особенное жизнерадостное здоровье, физиологическое равновесие очень трезвого и очень одаренного человека, который любит жизнь и умеет находиться с ней в дружеских отношениях...» — такие характеристики современной Куприну критики, бесспорно, имели под собой немалые основания. Симпатии Куприна на стороне не испорченных цивилизацией людей, живущих среди величественной и дикой природы.

Через все творчество Куприна проходит гимн природе, натуральной красоте и естественности. Отсюда его тяга к цельным, простым и сильным натурам. Борец Арбузов, спокойный и добрый гигант («В цирке»); бесстрашный конокрад Бузыга, у которого «все ребра срослись до самого пупа» («Конокрады»); отважный атаман рыбацкого баркаса Коля Костанди, «настоящий соленый грек, отличный моряк и большой пьяница» («Листригоны»); тяжеловесный и могучий «балагула», ямщик и контрабандист Мойше Файбиш («Трус»). Писатель откровенно любит эти отважными людьми, как любит он серебристо-стальным красавцем, четырехлетним жеребцом Изумрудом, у которого ноги и тело «безупречные, совершенных форм» («Изумруд»), или прекрасной рыжекудрой Суламифью, «высокой и стройной, в сильном расцвете тринадцати лет» («Суламифь»).